

ПОЭТИКА ИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ И ФОРМ В ЛИРИКЕ

ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

(статья вторая)

О.О. СКОРОБОГАТОВА. ПОЭТИКА ІМЕННИХ КАТЕГОРІЙ І ФОРМ В ЛІРИЦІ ЙОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА (СТАТТЯ ДРУГА)

Друга з циклу статей, що присвячені поетичній морфології та морфологічній поетиці Мандельштама. В ній розглянуті поетичні способи актуалізації категорії відмінка і співположення у віршовій мові одиниць, що відносяться до різних частин мови. Стверджується, що використання виразного потенціалу категорії відмінка є ознакою ідіостіля поета. Виокремлюються характерні поетичні смисли, підґрунтям яких слугують особливості граматичної селекції митця.

Ключові слова: ідіостиль, Осип Мандельштам, відмінок, морфологічна селекція, поетична морфологія.

Е.А. СКОРОБОГАТОВА. ПОЭТИКА ИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ И ФОРМ В ЛИРИКЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Вторая из цикла статей, посвященных поэтической морфологии и морфологической поэтике Осипа Мандельштама, рассматривает поэтические способы актуализации категории падежа и межчастеречные соположения. Утверждается, что к морфологическим приметам идиостіля поэта относится активное использование выразительного потенциала этой категории. Поэт активно применяет обычное для поэтического языка однопадежное соположение граммем разных слов и довольно редкое в языке русской поэзии соположение разнопадежных форм одного слова. Выявляются характерные для лирики Мандельштама поэтические смыслы, основанные на особенностях падежной грамматической селекции. Описаны активные в поэзии Мандельштама межчастеречные соположения граммем, типичные для русской поэзии этого периода, особенностью поэтического идиостіля является формирование стилистических фигур на базе межчастеречных соположений.

Ключевые слова: идиостиль, Осип Мандельштам, категория падежа, морфологическая селекция, поэтическая морфология.

Е.А. SKOROBOGATOVA. POETICS OF NOUN CATEGORIES AND FORMS IN THE LYRICS OF OSIP MANDELSTAM (ARTICLE TWO)

The second of a series of articles devoted to the poetic morphology and morphological poetics of Osip Mandelstam's works considers ways of actualization of poetic categories of case and juxtaposition of different parts of speech. It is claimed that active use of the expressive potential of this category is one of the morphological distinguishing features of the poet's idiosstyle.

The poet actively uses one-case juxtaposition of grammemes of different words which is usual for the poetic language and juxtaposition of the different-case-forms of the same word which is quite rare in the language of the Russian poetry. Poetic meanings which are characteristic of the poetry of Mandelstam and based on the features of case grammar selection are identified.

Juxtaposition of grammemes of different parts of speech that are actively used in Mandelstam's poetry and that are typical of Russian poetry of this period are described. The distinguishing feature of the poetic idiosstyle is the formation of stylistic figures based on the juxtaposition of the different parts of speech.

Keywords: idiosstyle, Osip Mandelstam, the category of case, morphological selection, poetic morphology.

В статье [9] мы рассмотрели способы поэтического использования Мандельштамом экспрессивных возможностей категорий числа и рода. К ярким морфологическим приметам идиостиля Осипа Мандельштама относится также регулярное использование потенциала категории падежа для передачи заданного художественного содержания. Поэт активно применяет как обычное для поэтического языка однопадежное соположение граммем разных слов, так и довольно редкое соположение разнопадежных форм одного слова.

Регулярное применение падежного соположения в поэтической грамматике Мандельштама служит способом организации грамматических последовательностей и актуализации парадигматических связей. Соположение разнопадежных форм одного слова традиционно рассматривается как риторическая фигура – полиптотон [2, с. 119]. Впервые использование падежного соположения в лирике Мандельштама отметил Ф. Б. Успенский [12, с. 90].

Активно представлено в лирике О. Мандельштама парное разнопадежное соположение:

*И, сердце, сердца устыдись,
С первоосновой жизни слито!*
(О. Мандельштам «SILENTIUM»);
*Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.*
(О. Мандельштам «Сегодня дурной

день...»).

В данных примерах разные падежные словоформы одного слова соотносены с одним означаемым, но в разной экзemplификации. Эта способность словоформ одного слова придавать образу выразительность, подчеркивая естественное сходство называемого и художественное различие объектов номинации или смысловую последовательность, активно использовалась А. Пушкиным (*но человека чело- век* *Послал к анчару властным взглядом...*). Мандельштам продолжает пушкинскую традицию. Усиление эффекта сближения-противопоставления достигается за счет отсутствия у субстантивов определителей. Если обычно «приходится для именования отдельных объектов и подклассов объектов использовать словосочетания; одно слово обозначает род предметов, а другое – отличительный признак именно данного, называемого предмета» [6, с. 154], то поэты лишают существительные слов, называющих отличительные признаки объектов: *человек послал человека, сердце, устыдись сердца*. Сходство экзemplифицированных объектов номинации, отмеченное значи-

мым отсутствием определителей, подчеркивает их поэтическое противопоставление.

В ряде случаев разнопадежные формы слова соотносятся с одним экзemplифицированным объектом-означаемым:

*Четвертой не бывает, а Рим далеке –
И никогда он Рима не любил!*

(О. Мандельштам «На розвальнях, уложенных соломой...»).

Разные падежные словоформы называют один объект внеязыковой действительности, и использование формы косвенного падежа после формы именительного логично демонстрирует развитие поэтической мысли. Поэтическое сознание, как и научное, четко разграничивает основную и производные формы слов (см.: [1, с. 15 и след.]).

Падежное соположение часто совмещается с соположением по категории числа. В этом случае сопоставляются оба морфологических значения:

Когда удар с ударами встречается...

(О. Мандельштам «Когда удар с ударами встречается...»).

Поэтическая идея встречи подобного с подобными находит в стихотворении морфологическое представление.

Подчеркнуто и выделено за счет локализации контактное соположение разнопадежных граммем в горизонтальном стиховом ряду (предыдущий пример) и симметричное в вертикальном:

*У вечности ворует всякий;
А вечность – как морской песок...*

(О. Мандельштам «В таверне воровская шайка...»).

В ряде стихотворений разнопадежные сочетания однокоренных слов в результате определенной морфологической фиксированности служат сигналом интертекстуальности, как например, в «Грифельной оде»:

*Звезда с звездой – могучий стык,
Кремнистый путь из старой песни,
Кремня и воздуха язык,
Кремень с водой, с подковой перстень...*

...
*Как в язву, – заключая в стык
Кремень с водой, с подковой перстень.*

(О. Мандельштам «Грифельная ода»).

Поэт не только устанавливает связь со стихотворением Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (общий элемент *звезда с звездой(-й)*), но и создает подобные и аналогичные сочетания. Актуализируется не только лермонтовская мифологема *звезда* [10, с. 12-13], но и прецедентная морфологическая модель. Атракция форм в сочетаниях носит в этом случае

интертекстуальный и внутритекстуальный характер. Интертекстуальная связь второго сочетания (*Кремень с водой*) устанавливается также с «Евгением Онегиным» (*Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой...*), но в этом случае «работает» лексический маркер интертекстуальности, а не морфологический.

Однопадежные ряды (с распространителями и без) разных слов, представляющие общезыковую и общепозитическую универсалию, также регулярно встречаются в лирике Мандельштама:

Казармы, парки и дворцы,

А на деревьях—ключья ваты...

(О. Мандельштам «Царское село»);

Послать хандру к туману, к бесу, к ляду...

(О. Мандельштам «Еще далеко мне до патриарха...»);

Я буду метаться по табору улицы темной

За веткой черемухи в черной рессорной карете,

За капором снега, за вечным, за мельничным шумом...

(О. Мандельштам «Сегодня ночью, не солгу...»).

В предложно-падежных последовательностях предлог чаще повторяется. Повторение предлога делает каждую предложно-падежную форму потенциально самодостаточной, оно активно используется при синонимическом перечислении, тогда как общий для нескольких словоформ предлог объединяет их в смысловую последовательность. (В первом случае бессоюзие соответствует скорее значению 'и', во втором 'или'). Эффект последовательности возникает и при распространении субстантивов, именно этот прием типичен для идиостиля поэта.

Последний фрагмент интересен и как пример необычной предложно-падежной аттракции. В работе [8] мы показали, что грамматически избыточное повторение предлога в субстантивно-аъективных сочетаниях (*На узеньких на саночках / За Шубертом летит* (О. Мандельштам «Жил Александр Герцевич...»)) является поэтическим приемом, характерным для русской поэзии XX века. Он часто сочетается с присубстантивным повторением предлога при однородных членах предложения. В стихотворении «Сегодня ночью, не солгу...» Мандельштам несколько изменяет прием: предлог повторяется не только при синтаксически однородных существительных, но и перед аъективами, один из которых уточняет другой (*За капором снега, за вечным, за мельничным шумом...*).

Сформировалась характерная для поздней поэзии Мандельштама модель локализации однопадежных субстантивов:

Весь я в порывах конечных,

В соблазнах, изменах и ранах.

(О. Мандельштам «Медленно урна пустая...»);

Ты наслаждаешься величием равнин,

И мглой, и холодом, и вьюгой.

(О. Мандельштам «Еще не умер ты, еще ты не один...»).

Локализация трех элементов однородного грамматического ряда в отдельном стиховом ряду после определителя к первому элементу этой последовательности выделяет и блокирует 2-4 элемента, создавая стиховой аналог присоединения (о присоединении как явлении динамического синтаксиса см.: [3, с. 42-45]).

Типичным для поэта является сочетание однопадежия со звуковой инструментальной:

Сердце сжалось, как маленький мяч:

Полон музыки, музы и муки.

(О. Мандельштам. «Дождик ласковый, тихий и тонкий...»).

Объединение принципов звуковой симметрии, создающей эффект паронимазии, и присоединительного сочетания слов служит созданию уникального художественного образа. Однопадежие является морфологической основой формирования присоединительного сочетания слов, которое в структуре поэтического текста имеет специфические черты, связанные со стиховым членением текста.

В следующем примере однопадежную цепочку составляют грамматически не связанные, расположенные в разных предикативных единицах, но контактно локализованные в стиховом развертывании однопадежные формы созвучных словоформ:

И когда я наполнился морем —

Мором стала мне мера моя.

(О. Мандельштам. «Флейты греческой тэта и йота...»).

Однопадежие подчеркнуто звуковым сходством и синтаксическим хиазмом, благодаря которому паронимичные однопадежные формы следуют друг за другом в линейной цепочке поэтического развертывания.

Самый яркий, самый выразительный способ актуализации потенциала падежных форм, которое использует поэт, — это контекстуальное многопадежие. Оно представлено в русской поэзии нового времени тремя видами соположения: сгущением падежных форм одного слова в одной предикативной единице; сгущением разнопадежных форм слова, локализованных в разных предикативных единицах, в стиховом фрагменте; структурированной падежной парадигмой. В лирике Мандельштама

встречается многопадежие первых двух типов. Сгущение разнопадежных форм одного слова за счет действия закона единства и тесноты стихового ряда ощущается как намеренный авторский отбор, задача которого — проявить диалектическое противоречие лексической общности и грамматического несовпадения падежных граммем. Решение художественной задачи основано на очевидной преднамеренности приема, интенция автора не только выражена, но и подчеркнута.

Бежит волна — волной волне хребет ломаю...

(О. Мандельштам. «Бежит волна – волной волне хребет ломаю...»).

Естественно и привычно соположение падежных форм в грамматическом описании. «Ряд *дом – дома – дому* возможен как явление грамматическое потому, что в языке существует определенная системная единица: падежная парадигма, состоящая из нескольких определяющих друг друга членов; каждый член (например, форма дательного падежа) воспринимается на фоне других членов» [6, с. 111]. В художественном функционировании реальное соположение нескольких падежных форм встречается крайне редко. В силу того, что в данном стихотворении падежные формы находятся в едином стиховом и синтаксическом ряду и контактно расположены, возникает исключительный даже для поэтического текста эффект накопления, грамматической тесноты и преднамеренности. Ф. Б. Успенский удачно охарактеризовал факт многопадежного представления слова как «факт превращения сугубо лингвистических закономерностей в ядро поэтического образа» [12, с. 90], однако трудно согласиться с объяснением причины данного использования поэтом (исследователь видит причину в том, что «русский язык мог осмысливаться Мандельштамом, в какой-то степени как "чужой язык"...» [там же, с. 93]). Мы считаем, что «школьное» («грамматическое») представление фрагмента падежной парадигмы в стихотворении скорее свидетельство лингвального восприятия действительности, характерного для художника.

Многопадежие как поэтическую фигуру русские поэты стали регулярно использовать лишь в конце XX века. Мандельштам раньше других почувствовал выразительный потенциал полиптотона и реализовал в своей лирике разные его варианты. Исследователи отмечают, что в поэтическом языке акмеистов «существительное вообще главенствует» [7, с. 187]. Соположение разнопадежных форм существительных – свидетельство роли субстантива в поэтическом языке Мандельштама.

Эффект тесноты ослабевает, если формы находятся в разных стихах, строфах, предикативных единицах, но ощущение художественной преднамеренности сохраняется:

*В самом себе, как змей, таясь,
Вокруг себя, как плющ, вясь –
Я подымаюсь над собою.*

*Себя хочу, к себе лечу,
Крылами темными плещу,
Расширенными над водою...*

(О. Мандельштам. «В самом себе, как змей, таясь...»).

Разнопадежный ряд местоименных форм передает идею творческого эгоцентризма. Намеренное накопление словоформ очевидно, но грамматической тесноты нет.

Местоименное разнопадежие в идиостиле поэта встречается неоднократно:

*Время срезает меня, как монету,
И мне уже не хватает меня самого...*

(О. Мандельштам «Нашедший подкожу»).

Парадигмальная вариативность местоимения создает ту «индивидуальную ритмическую линию, динамизирующую слово» [13, с. 124], которая отличает данный поэтический текст. «Внутреннее расщепление «Я» во времени» [там же], описанное поэтом, в заключительных строках стихотворения передается иконически – расщеплением слова на его формы.

Сходно с разнопадежием, хотя и не является полиптотон в терминологическом смысле, соположение субстантивата среднего рода, имеющего абстрактное значение, и синтетического компаратива. Данная поэтическая формула является развитием древней фольклорной (ритуально-поэтической) формулы, регулярно присутствующей в русских любовных заговорах (*краснее красного солнышка; светлее светлого месяца* [11, с. 42]). Изменения происходят по оси абстрагирования: в древней формуле вторым элементом сравнения служит космический объект, обладающий максимальной степенью называемого признака, в формуле нового времени – субстантивированный признак. Примеры такого соположения у Мандельштама редки, но именно они являются образцовыми в русском поэтическом языке:

Нежнее нежного

Лицо твое,

Белее белого

Твоя рука...

(О. Мандельштам. «Нежнее нежного...»).

Так как абстрактные *белое* и *нежное* называют каждую субстанцию, обладающую

названным в корне признаком, их соединение с формой на *-ее* дает своеобразный суперлатив. Субстантиваты не только сохраняют внешнее сходство с позитивом прилагательного, но и актуализируют признаковое значение, соединяя его с субстантивным. Вопрос о грамматическом характере степеней сравнения не раз обсуждался в русской грамматике, отмечаются случаи употребления сравнительной степени в значении превосходной [4, с. 266-269]. Однако до сих пор подобные соположения в русском поэтическом языке специально исследованию не подвергались. Подобные случаи нельзя охарактеризовать как фигуру избыточности (тавтологию или плеоназм), так как соположение формы сравнительной степени и однокоренного абстрактного субстантивата среднего рода устойчиво передает значение превосходной степени, причем значение это по степени градации признака выше, чем общеязыковое *'белее всего'*, *'нежнее всего'* и под. На наш взгляд, к данной конструкции вполне применимо введенное В. В. Виноградовым понятие «грамматического идиоматизма». Вероятно, следует говорить о грамматическом идиоматизме, свойственном поэтической речи. Трудно согласиться, что это простой аналог превосходной степени, ибо при сопоставлении вариантов *белее всего* или *самый белый* с вариантом *белее белого*, выделяется дополнительный оттенок значения, который можно определить как *'находящийся за гранью возможного'*. Данные поэтические примеры подтверждают теоретические выкладки Ю. О. Карпенко, который подчеркивает, что семантика всех знаменательных частей речи раскрывается как возможность образовывать степени сравнения [5, с. 41–48].

Достаточно активны в поэзии Мандельштама межчастеречные соположения грамем, типичные для русской поэзии этого периода, особенностью поэтического идиостиля является «встраивание» морфологических соположений в лингвостилистические фигуры, точнее, – формирование фигур на базе межчастеречных соположений. Например, М. Эпштейн, анализируя поэтическую анафразу, иллюстрирует ее фрагментом из стихотворения «Сестры – тяжесть и нежность...», где в основе фигуры морфологическое соположение прилагательных и существительных:

*В медленном водовороте тяжелые
нежные розы,*

*Розы тяжесть и нежность в двойные
венки заплела.*

(Цит по: [14, с. 485]).

Перспективой исследования является панорамное описание морфологического уров-

ня поэзии Мандельштама, включающее именные и глагольные формы и характеристики, анализ поэтической морфологии автора, называющего человека вечным филологом, в динамике, сравнительное описание морфологии поэтического идиостиля Мандельштама и других поэтов XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р. А. Система и анти-система в науке о языке / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания, 1978. -- № 4. – М.: Наука, 1978.—С. 4—17.
2. Горте М.А. Фигуры речи: терминологический словарь / М.А. Горте. – М.: ЭНАС, 2007. – 208 с.
3. Дорошенко С.І. До проблеми розрізнення понять «приєднання» і «парцеляція» / С.І. Дорошенко // Наукові простори: вибрані праці. – Харків: «Новое слово», 2009. – С. 42-45.
4. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким / Александр Васильевич Исаченко. – Братислава: Изд-во Словацкой академии наук, 1954. – Ч. 1. Морфология – 1954. – 386 с.
5. Карпенко Ю. О. Ступені порівняння різних частин мови та їхні функції / Ю. О. Карпенко // Мовознавство.—2010.— № 2–3.—С. 41–48.
6. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 568 с. – (Классики отечественной филологии).
7. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2 / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 848 с. – (Классики отечественной филологии).
8. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические разряды и лексико-грамматические категории имени) / Елена Александровна Скоробогатова. – Харьков: НТМТ, 2012. – 480 с.
9. Скоробогатова Е. А. Поэтика именных категорий и форм в лирике Осипа Мандельштама (статья первая) / Е. А. Скоробогатова // Русская филология. Вестник ХНПУ имени Г. С. Сковороды – № 1-2, 2014. – Харьков: ХНПУ имени Г. С. Сковороды, 2013. – С. 79-85.
10. Слухай (Молотаєва) Н.В. Художній образ у дзеркалі міфу етносу: М. Лермонтов, Т. Шевченко (лінгвосеміотичний аспект): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук: спец. 10.02.02 – російська мова, 10.02.01

– українська мова /Наталія Віталіївна Слухай (Молотаєва). – К., 1996. – 48 с.

11. Топоров В.Н. К реконструкции индоевропейского ритуала и ритуально-поэтических формул (на материале заговоров) / В.Н. Топоров //Труды по знаковым системам IV: Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 236. – Тарту, 1969. – С. 9-43.

12. Успенский Ф.Б. К поэтике О. Мандельштама (грамматика как предмет поэзии) / Ф.Б. Успенский //Ученые записки Тартуского университета. – Вып. 917. – Блоковский сборник. XI. – Тарту, 1990. – С. 90 – 96.

13. Фатеева Н.А. Синтез форм текста

как прием / Н.А. Фатеева // Художественный текст как динамическая система: Материалы 13 международной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 19-22 мая 2005 г. — М.: «Управление технологиями», 2006. — С. 124 – 135.

14. Эпштейн М. Анафраза: языковой феномен и литературный прием / М. Эпштейн // Художественный текст как динамическая система: Материалы международной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 19-22 мая 2005 г. — М.: «Управление технологиями», 2006. — С. 473 – 487.